

Всем известно, что Императорская гвардия переживала свой расцвет лишь при императоре Тайцзу. После восшествия на престол императора Цзинцзуна её быстро оттеснила набирающая силу Восточная палата. С тех пор Гвардия то поднималась, то падала, но так и не смогла окончательно оправиться. В конце концов, глава Восточной палаты всегда был человеком, что с молодых ногтей рос при императоре, и доверие к нему было беспрецедентным, уникальным.

С другой стороны, тот факт, что Императорская гвардия до сих пор кое-как противостоит Восточной палате и не пала окончательно, говорит о её собственных особенностях.

Евнухи — они и есть евнухи. Даже облечённые невероятной властью, в глазах учёных мужей они оставались людьми низкого происхождения, прислужниками. А вот главы Императорской гвардии по большей части были выходцами из военных, да и в рядах её служило немало отпрысков знатных семей, людей образованных.

Но с точки зрения Хэ Сы, суть обеих организаций была одинаковой: они делали для императора грязную работу под своим именем, что попросту называлось — быть козлом отпущения.

Поэтому Хэ Сы никак не мог понять, зачем они сражаются друг с другом не на жизнь, а на смерть. Неужели соревнуются, чья ноша позора тяжелее?

Судя по нынешней отвратительной репутации Восточной палаты при дворе и за его пределами, она явно лидировала в гонке за право остаться в истории как самое одиозное учреждение...

Каждый раз, когда окружающие смотрели на него взглядом, полным страха и отвращения, словно на жестокого, своенравного и извращённого старого евнуха, Хэ Сы чувствовал, что жизнь не удалась.

Хэ Сы уставился на лежащую бездыханно истрёпанную книгу и, помедлив, наконец задал вопрос, который давно вертелся у него на языке:

— Ты что за тварь такая?

«...» Книга помолчала несколько секунд, затем на пожелтевшей странице нехотя проступило одно слово — «Книга».

Хэ Сы тоже замолчал. Он отложил гранат, взял холодно блестящий кинжал и начал перебирать его пальцами, смотря на книгу свысока.

— Тебе нравится, когда тебя режут на части, или когда жгут?

Книга: «...»

Лежащая плашмя книга не сопротивлялась и не двигалась. Лишь спустя некоторое время на странице медленно выступили три иероглифа — «Э-э-э».

Хэ Сы подумал, не спит ли он. Почему он всерьёз ведёт такой сложный и глубокий диалог с книгой, которую даже в мусорную кучу выбросить — и то жалко?

— Ладно, — решил Хэ Сы. Будь она книгой или призраком, раз её оставил крёстный отец, вреда она ему не причинит. Пусть себе лежит под ножкой стола и будет тихонько хныкать.

Хэ Сы был человеком широкой души, а на посту главы Восточной палаты без этого нельзя —

состаришься раньше времени. Ему ещё нужно было сохранить красоту, чтобы, когда маленький император подрастёт, соблазнить его.

Хэ Сы беспечно подложил книгу под шатающуюся ножку стола и отправился в опочивальню отдыхать.

У главы Восточной палаты была собственная резиденция за стенами дворца, но Хэ Сы, едва вступив в должность, оказался завален докладами и ещё не успел её осмотреть. Эх, в первый раз на такой должности, нет опыта... Что лучше построить в резиденции — золотую гору или серебряное дерево?

Хэ Сы сладко закрыл глаза, но эта ночь превратилась для него в один сплошной кошмар.

Во сне чей-то плач, звучащий, словно эхо под сводами, не умолкал у него в ушах: «Э-э-э». А после этого, точно старый монах, читающий сутры, голос без конца повторял: «Каждый день я спрашиваю себя трижды: сегодня я уничтожил Императорскую гвардию?»

Уничтожил ли я Императорскую гвардию?

Да? Да? Да!

На следующее утро Хэ Сы проснулся без помощи Чжао Цзинчжуна. Под щебет птиц за окном он открыл глаза, отягощённые тёмными кругами.

Он какое-то время бессмысленно смотрел на полог кровати, а затем из его всего существа вырвалась сокрушительная ярость. Накинув халат, он стремительно ворвался в кабинет, перевернул стол, схватил эту чертову книгу и, плевать, подарок ли это крёстного отца, — сегодня он её сожжёт! Не сожжёт — и тогда он не самый могущественный евнух Великой Янь, что притесняет народ и терроризирует чиновников!

Книга, казалось, была к этому готова. Её резко подняли, но она не дрожала и не паниковала. Обложка развернулась, и перед глазами Хэ Сы предстали огромные иероглифы: «Слушайся крёстного отца!»

Хэ Сы: «...»

Не глядя, он носком ноги подцепил жаровню.

Книга дёрнулась и, проявив стойкость, выдала ещё строку:

— Не слушаешься — умрёшь.

Хэ Сы: «...»

Книга, заметив малейшее замешательство, тут же добавила:

— Правда-правда!

Хэ Сы, с тёмными кругами под глазами, сжал пальцы у висков и, мрачно закутавшись в халат, уставился на книгу:

— Ты... врешь.

Сказав это, он швырнул книгу прямо в жаровню.

Едва пальцы разжались, как в груди внезапно возникла мучительная боль, словно стальной лом пронзил сердце и принялся яростно крутить его внутри.

Хэ Сы, позеленев, пошатнулся и инстинктивно пнул жаровню. Та с грохотом опрокинулась, а книга шлёпнулась в чёрную золу.

Чжао Цзинчжун, дежуривший на крыше, услышав грохот, мгновенно спикировал вниз и ворвался в комнату.

Как раз в этот момент Хэ Сы почувствовал сладковатый привкус во рту, наклонился вперёд и выкашлял струю крови, что брызнула на книгу, оставив несколько пугающе-алых пятен.

Чжао Цзинчжун, ворвавшись, мгновенно оценил обстановку и, увидев, что в комнате лишь его глава Палаты, а кровь та ярко-красная и ничего подозрительного, с облегчением выдохнул:

— О, просто кровь харкнул.

Хэ Сы: «???»

Чжао Цзинчжун развязно шагнул вперёд, перевернул жаровню, мимоходом поднял книгу, погребённую в золу, пару раз отряхнул её и водрузил обратно на стол Хэ Сы. Затем он развернулся, помог Хэ Сы опуститься в кресло и, увидев, что тот и впрямь плохо выглядит, наконец соизволил объяснить:

— Глава Палаты, насчёт крови — не тревожьтесь. Мы, люди, практикующие боевые искусства, если циркуляция ци нарушена, легко кровью харкаем. Ладно, я потом скажу Баого, пусть приготовит вам отвар с финиками, лонганом да арахисом — подкрепитесь.

Хэ Сы, с кровью во рту, лишь мечтал выплюнуть её прямо в смуглое лицо Чжао Цзинчжуна!

Книга, лежавшая на столе, была совершенно невредима, а сердце Хэ Сы, будто пронзённое, постепенно успокоилось. Он медленно поднял руку и махнул ею:

— Всё в порядке, можешь идти.

Когда Чжао Цзинчжун удалился, Хэ Сы долго смотрел на книгу на столе, а та изо всех сил старалась прикинуться невинной лепёшкой.

Хэ Сы с ледяным лицом торжественно поднял перед глазами книгу под названием «Коварный евнух» и открыл первую страницу. Строка «Каждый день я спрашиваю себя трижды: сегодня я уничтожил Императорскую гвардию?» теперь была написана ярко-красными, будто кровь, иероглифами.

Хэ Сы глубоко вдохнул, надавил на виски, изо всех сил сдерживая порыв выругаться, и, взвесив слова, мысленно произнёс трижды: «Сегодня я уничтожил Императорскую гвардию», «Сегодня я уничтожил Императорскую гвардию?», «Сегодня я уничтожил Императорскую гвардию?».

Алые иероглифы медленно поблели, вернувшись к обычному чёрному цвету.

«...» Хэ Сы холодно усмехнулся.

Его смех заставил книгу невольно дрогнуть. Не её вина, она всего лишь маленькая безобидная книжечка! QAQ

Увидев, что первая страница вернулась в норму и больше не меняется, Хэ Сы, подумав, перевернул на вторую.

Как он и ожидал, на второй странице медленно проступила строка: «О свершившемся не говорят, совершающееся не поправляют, прошлое не ворошат».

Ого, как ловко себя оправдывает.

Книга с достоинством уронила каплю чернил и добавила: «Сегодняшнее дело: занять денег у Императорской гвардии».

Лицо Хэ Сы мгновенно почернело, как подошва.

Занять денег у Императорской гвардии?

Хэ Сы несколько раз перечитал эти слова и, наконец, с отеческой добротой поинтересовался у книги:

— У тебя мозги съехали? А, нет, прости, откуда у книги мозги.

Книга: «...»

Всем известно, что с момента своего основания и до сего дня Восточная палата, благодаря усилиям нескольких поколений глав, неустанно выжимала соки из народа и превратилась в самое жирное и богатое ведомство при дворе, без всяких «но». Напротив, Императорская гвардия, вечно находившаяся под явным и тайным гнѐтом Восточной палаты, хоть и состояла из знати, была учреждением тощим, почти нищим. Каждый месяц с выплатой жалованья были проблемы, и несколько раз её командующий доходил до дома министра финансов, грозясь снять пояс и повеситься у него на пороге.

Хэ Сы как-то с Чжао Цзинчжуном подробно обсуждали осуществимость повешения у дверей патологически скупого министра финансов. В итоге оба сошлись на том, что вместо повешения лучше попробовать соблазнить его — в конце концов, министр финансов был общепризнанным при дворе гомосексуалистом.

Короче говоря, будь то благодаря несметному богатству Восточной палаты или из-за непримиримой вражды с соседями, глава Восточной палаты Хэ Сы ни за что не попросил бы у Императорской гвардии и медного гроша.

Хэ Сы холодно смотрел на эту не знающую меры книгу, размышляя, чем лучше стукнуть её по физиономии — серебряным слитком в тысячу лян или в десять тысяч, — чтобы та наконец осознала реальное положение дел.

<http://bllate.org/book/16284/1466918>